

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ЛЕГКАЯ
ЖИЗНЬ

Часть сборника: На круги своя (сборник)

Мария Метлицкая

Легкая жизнь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917862

На кругу своя : [сборник] / Мария Метлицкая: Э; Москва; 2017

Аннотация

«Отца мать прозевала из-за своего патологического для женщины нелюбопытства, ни разу не задержавшись после работы с бабами у подъезда. Бабы за это считали ее высокомерной и слегка недолголюбивали, хотя и уважали. Мать работала старшей сестрой в районной поликлинике. И, конечно, в доме многие к ней обращались: выписать рецепт, померить давление, да просто пожаловаться на какую-то хворь, безусловно, тайно ожидая совета. Мать была человеком строгим, даже сухим, но с чувством юмора и без занудства. Проходила как-то вечером мимо соседок на лавочке, кто-то ее окликнул: Лида, мол, посиди, переведи дух. Мать шла с работы и по дороге купила мяса и большого, еще живого сома – сумка была тяжелой, но это была все равно удача...»

Мария Метлицкая

Легкая жизнь

Отца мать прозевала из-за своего патологического для женщины нелюбопытства, ни разу не задержавшись после работы с бабами у подъезда. Бабы за это считали ее высокомерной и слегка недолюбливали, хотя и уважали. Мать работала старшей сестрой в районной поликлинике. И, конечно, в доме многие к ней обращались: выписать рецепт, померить давление, да просто пожаловаться на какую-то хворь, безусловно, тайно ожидая совета. Мать была человеком строгим, даже сухим, но с чувством юмора и без занудства. Проходила как-то вечером мимо соседок на лавочке, кто-то ее окликнул: Лида, мол, посиди, переведи дух. Мать шла с работы и по дороге купила мяса и большого, еще живого сома – сумка была тяжелой, но это была все равно удача. Мать же не притормозила, а бросила:

– Не могу, семью надо ужином кормить.

Ехидная и зловредная Нинка Уварова прошипела вслед:

– Семейю, а где она, семья-то?

Мать остановилась, резко развернувшись, и спросила Нинку:

– Ты о чем, Нина?

– Иди-иди, Лида, – засуетились бабы. – Кого ты слушаешь?

– Нет, Нина, погоди. Что ты имеешь в виду? – настаивала мать.

– Что имею? А то, что твой уже год к Ритке-балерине бе-
гает. Вот что имею!

Мать побелела, а бабы смущенно зашушукались и отве-
ли глаза. Никто информации не опроверг. Мать медленно,
пешком поднялась по лестнице и зашла в квартиру. Отец уже
был дома.

– Это правда, Гоша? – спросила мать.

– Что правда? – растерялся отец.

– Про тебя и про Ритку?

Отец молчал.

– Собирай вещи, Гоша. Ужин отменяется. Я тебе помо-
гу, – устало сказала мать.

Он кивнул. Вещи быстро собрали и сложили в клетчатый
матерчатый чемодан – да и какие там вещи, а потом ведь
человек не на Северный полюс уезжает, а всего лишь на два
этажа выше.

– Иди, Гоша, – кивнула мать. – Разговоров не будет, что
тут обсуждать!

Мать вышла курить на кухню. Когда Ладька вернулся ве-
чером со двора, мать все еще курила на кухне.

– А чего поесть, мам?

– Ну да, поесть, – повторила мать и тряхнула головой. –
Открой банку шпрот, или ветчины, или еще чего там есть.

«Чего там есть» – это нижняя полка в комнате в буфете,

куда складывались «дефициты», как говорила мать. Все, что удалось отхватить в очередях тех скудных лет, и еще зачатки из продуктовых заказов. Все береглось на праздники и даты – дни рождения, Новый год, майские и октябрьские.

Ладька не поверил своему счастью и рванул в комнату, пока мать не передумает и не отварит вермишель или разжарит картошку в мундире.

Радость, наверное, какая-то, мелькнуло у Ладьки в голове. Он лихорадочно перебирал отложенные баночки. Либо бате премию дали, либо вообще ордер на отдельную квартиру, хорошо бы в Черемушках, куда уже переехал закадычный дружок Толик Смирнов.

Ладька нахально выбрал большую банку колбасного фарша и еще венгерское лечо в томате. Мать по-прежнему стояла на кухне лицом к окну. Он торопливо сорвал с банок крышки и ложкой стал выковыривать бледно-розовый фарш.

– Хлеб возьми, – не оборачиваясь, бросила мать.

Когда первое чувство голода прошло, Ладька буркнул матери:

– Сама-то поешь.

Она махнула рукой:

– Иди спать.

Ладька икнул, довольный, и пошел к себе в комнату. Уже на пороге он крикнул:

– А что, праздник, мам, какой?

– Праздник, – кивнула мать. И, помолчав, добавила: –

Твой отец от нас ушел. К Ритке на четвертый этаж. Вот и весь праздник.

– Ну и шутки у вас, боцман! – разозлился Ладька.

Заснул он быстро и легко, но почему-то ночью проснулся, тихонько подошел к смежной родительской комнате, аккуратно приоткрыл дверь и увидел сидевшую на кровати мать в белой и длинной ночнушке, с распущенными по плечам волосами. Отца рядом не было – и тут до Ладьки дошло, что все это самая настоящая и страшная правда. Он почему-то побоялся окликнуть мать, тихонько забрался к себе в кровать и начал кое-что припоминать. Как, например, на Восьмое марта отец, думая, что Ладька спит, спрятал маленькую бархатную красную коробочку под диванный валик – ночью Ладька валик приподнял и открыл коробочку: там лежало тоненькое золотое колечко с розовым камушком, похожим на леденец. Еще тогда Ладька засомневался, что колечко влезет на крупную материну руку, но за мать был рад, да и за отца тоже – что тот сообразил. Но на Восьмое марта отец подарил матери букет мимозы и зефир в шоколаде. А вот подарка в виде бархатной коробочки почему-то не было.

«Наверное, решил, что все равно матери мало будет, и отнес обратно в магазин», – промелькнуло тогда у Ладьки в голове. Промелькнуло – и тут же из этой головы и выветрилось. Еще вспомнилось, как отец мерил новую нейлоновую рубашку и галстук с переливом, а на галстук – павлин какой-то. Мать усмехнулась тогда и покачала головой:

– Пошлость какая, совсем на старости лет чокнулся.

– Какая еще старость? – обиделся тогда отец.

А еще с зарплаты без материнского спроса купил себе новые туфли, «Цебо» называются. Мать это тоже не одобрила и даже обиделась:

– Говорили же про зимние сапоги, а то ведь пятый год в старых хожу.

И еще отец стал поливаться одеколоном и стричься коротко, а чуб – подлиннее, как на фотографии у мужика в окне парикмахерской.

А вот мать – мать не менялась. Носила гладкий пучок на голове, а на затылок втыкала резную коричневую гребенку. Красила только губы – бледной, почти бесцветной помадой, а глаза и ногти – никогда. И одежду носила какую-то серую – серую юбку, серую кофту. А зимой – вообще дурацкий большущий мохнатый берет на голове. Ладька этот берет ненавидел. И даже стеснялся матери в этом берете. Просто совсем бабка какая-то. А ведь еще не старая, а очень даже молодая бывает. Особенно когда волосы распустит и смеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.